

ПАУЗАЛЬНАЯ ФОРМА СЛОВА В СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

PAUSAL FORM OF A WORD IN SEMITIC LANGUAGES

D. Butakova

Summary: The languages belonging to the Semitic family demonstrate the presence of such a way of syntagmatic segmentation of speech as the pausal form of a word. This phenomenon is most systematically represented in Arabic literary language, where the opposition of contextual and pausal forms of a word is conditioned by the prosodic system based on the harf structure of the language, it is regular, causes changes in words that do not correspond to the norm, and is preserved in the modern language. As for ancient Hebrew, the texts of the Masoretic reading of the Old Testament indicate that the pausal form of a word is primarily related to the shift of accent to the final vowel, which could change its quality; in some cases, the ways of attitude to the final word of a syntagm coincided with Arabic, but they were non-systematic and were explained by morphological, syntactic and semantic factors, so they have not been preserved in the modern language. In such ancient dead languages as Akkadian, Aramaic, Ugaritic and Syriac, the pausal form of a word did not exist as a regular phenomenon; fragmentary information about possible and impossible sound combinations in the word ending before the pause, as well as examples of possible alternations and truncations have been preserved.

Keywords: Semitic languages, pausal form of a word, mora, syllable, emphasis.

Бутакова Дарья Дмитриевна

Аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
butakova.darya@yandex.ru

Аннотация: Языки, относящиеся к семитской семье, демонстрируют наличие такого способа синтагматического членения речи, как паузальная форма слова. Наиболее системно данное явление представлено в арабском литературном языке, где противопоставление контекстной и паузальной форм слова обусловлено просодическим строем, основанным на харфовой структуре языка, она является регулярной, вызывает изменения в словах, не соответствующих норме, и сохраняется в современном языке. Что касается древнего иврита, то тексты масоретского чтения Ветхого Завета указывают на то, что паузальная форма слова прежде всего связана со сдвигом ударения на конечный гласный, который мог менять свое качество; в некоторых случаях способы оформления конечного слова синтагмы совпадали с арабскими, однако являлись несистемными и объяснялись морфологическим, синтаксическим и смысловым факторами, поэтому в современном языке не сохранились. В таких древних мертвых языках, как аккадский, арамейский, угаритский и сирийский, паузальная форма слова не существовала, как регулярный феномен, сохранились отрывочные сведения о допустимых и недопустимых звуко сочетаниях в исходе слова перед паузой, а также примеры возможных чередований и усечений.

Ключевые слова: семитские языки, паузальная форма слова, мора, слог, ударение.

Для языков, входящих в семитскую языковую семью, характерны три общие черты: оппозиция долготы и краткости, сильное динамическое ударение и правила, регулирующие структуру слога. Однако языком, для которого это не совсем верно, является АЛЯ. Наличие динамического ударения до сих пор вызывает споры у ученых. Долгота и краткость, в отличие от других семитских языков, где гласные могут подвергаться стяжению или выпадению, находятся в постоянной оппозиции, обусловленной словесными моделями. Что касается структуры слога в АЛЯ, то данное явление напрямую связано с существованием регулярной оппозиции контекстной и паузальной форм слова в АЛЯ в противоположность другим семитским языкам, где данный феномен проявляет себя несистемно и по причинам, не связанным с просодической структурой языка.

Противопоставление полной и паузальной форм слова в арабском языке обусловлено харфовой структурой его просодического уровня. Харф может быть огласованным, т.е. иметь структуру *Cv*, и неогласованным со структурой *C* или *V*. Огласованный харф, согласно арабской грамматической традиции, является показателем

слитной речи, а то время как неогласованный маркирует просодическую паузу. Именно последний тип харфа должен стоять в исходе конечного слова в просодическом слоге в АЛЯ [подробнее см. 2].

Поскольку АЛЯ входит в семитскую языковую семью, представляется обоснованным вопрос о существовании особых форм слова в предпаузальной позиции и в других семитских языках, а также о природе данного явления.

Нормы образования паузальной формы в иврите имеют письменную фиксацию в масоретской огласовке Ветхого Завета. Это – система знаков, содержащая орфоэпические нормы, огласовку, синтаксическое членение речи, ударение и кантилляцию. На основе данного текста можно сделать вывод о том, что в иврите существует несколько способов преобразования формы слова в предпаузальной позиции.

Касательно генезиса данного явления Д.В. Фролов пишет: «Различие контекстных и паузальных форм слова – явление уникальное для семитских языков и, может быть, оттого прошедшее мимо внимания семи-

тологов-компаративистов. Только в древнееврейском существовало подобное различие, имевшее, однако, совершенно иную, чем в арабском, звуковую природу. Там это явление сводится не к количественным, а к качественным изменениям конца слова. Паузальная форма в древнееврейском языке, в котором конечные краткие гласные постигла обычная для семитских языков судьба, отличается от контекстной, для которой характерно нефиксированное ударение, изменением качества гласного конечного слога и фиксацией на нем ударения» [8].

В масоретском тексте существуют случаи, когда перед паузой огласовка патах (данный термин восходит к тому же пракорню, что и арабская фатха, краткий гласный [a]) заменяется на огласовку камац (краткий гласный [o]). Обычно этот процесс встречается в конце стиха, а в его середине при так называемой «малой паузе» такое не происходит, что говорит, по мнению британского гебраиста Б. Аутуэйта [13], о частичной утрате «отчетливых» паузальных форм. Некоторые ученые возводят данные фонетические изменения к прасемитскому языку. Однако лишь незначительное количество слов различают три формы: контекстуальную форму, малую паузальную форму и большую паузальную форму. Следует сразу заметить, что в АЛЯ никакая частичная утрата паузальной формы невозможна, так как само существование этой формы слова определяется просодической структурой языка.

Кроме того, масоретский текст Ветхого Завета демонстрирует другой способ образования паузальной формы слова в глаголах второго лица единственного числа мужского рода, где в слитной речи в исходе стоит долгий гласный, а перед паузой он усекается и конечным оказывается стоявший перед ним согласный. Данный способ образования паузальной формы слова перекликается с усечением гласного конечного харфа в АЛЯ, т.е. с *iskān*, но в арабском языке происходит усечение краткого, а не долгого гласного, так как долгий удовлетворяет требованию структуры языка о том, что в исходе паузальной группы должен находиться неогласованный харф.

Следует также отметить, что морфологически отличающиеся друг от друга слова образуют паузальную форму по-разному. Для имен более частотно наличие паузальной формы, чем для глаголов. Кроме того, и для АЛЯ справедливо различие между способами образования паузальной формы слова, более характерными для той или иной части речи, например, нефлектируемые части речи предпочитают способ, основанный на добавлении (*ziyāda*), а глаголы со слабым харфом в позиции третьего корневого, в отличие от имен, тяготеют к его сохранению (*ithbāt*), а не усечению (*ḥadhḥf*).

В целом семитологи приходят к выводу о том, что форма слова в паузе в иврите характеризуется смещением ударения и сохранением слогов, которые могут

усекаться в контекстной форме, а также удлинением конечных гласных.

Кроме того, ученый А. Хорнкол [11] отмечает, что в масоретской огласовке к конечному краткому гласному [a] регулярно в паузе добавляется на письме согласный *heh*, который является письменным обозначением звука [h]. Примечательно, что одним из способов образования паузальной формы слова в АЛЯ является добавление к конечному харфу с целью сохранения его краткого гласного неогласованного согласного *hā'* (*ziyāda*), который передает тот же звук [h], что отражается как на письме, так и в произнесении.

Об этом упоминает и другой известный семитолог Б. Сухард [15]: краткие гласные в иврите в конечной позиции подвергаются усечению. Однако в тех случаях, когда эти гласные имеют морфологически важное значение, их предохраняют от выпадения путем специального добавления. Однако стоит отметить, что в АЛЯ добавочный харф используется по причине желания сохранить краткий гласный у неотчетливо звучащего харфа. В иврите же определяющую роль в выборе данного способа образования паузальной формы слова играет морфологическая функция краткого гласного [a]. Сухард также утверждает, что после усечения краткой гласной в исходе слова, конечным согласным которого являются [y] или [w], может возникнуть дифтонг.

Что касается согласных звуков в паузе, то в конечной позиции регулярно усекаются звуки [h] и [t], что также приводит к удлинению оставшегося конечным гласного. В этой же позиции происходит усечение конечных носовых согласных [n] и [m], последний из которых выступает в качестве показателя неопределенности имени (т.е. мимации). Конечные согласные также могут удваиваться. Соположение согласных в исходе слова возможно только в результате предшествующего усечения конечного краткого гласного, причем второй из оставшихся согласных обычно является взрывным. Б. Сухард также указывает на то, что такие процессы характерны для поэтической речи, где важным фактором образования форм слова перед паузой является сохранение рифмы.

Отдельно стоит упомянуть о фонетической связи между ивритом и АЛЯ. Заимствованные ивритом арабские слова в женском роде единственного числа (т.е. имеющие на конце графический знак *tā marbūta*, который в паузе может передаваться звуком [t] или звуком [h]) в иврите на конце получали графему *heh*. Примечательно, что в иврите она служит для записи звука [h], однако в конструкции принадлежности данная графема, как и в АЛЯ, произносилась как звук [t]. Из этого можно сделать вывод о том, что паузальная форма слов женского рода единственного числа в АЛЯ тесно повлияла как на графику заимствованных из арабского слов в иврите,

так и на их звучание. Подробно данный вопрос в своей статье разбирает Дж. Хан [12].

Паузальная форма слова в масоретском тексте Танаха маркирует окончание интонационных фраз. Это подчеркивают канадские лингвисты В. ДеКаен и Б.Э. Дрешер [10]. Они вводят понятия конъюнктивного и дизъюнктивного акцента, первый из которых выступает в качестве показателя слитной речи, а второй маркирует слова на конце фразы. Таким образом, смысл слова в сочетании с его акцентом составляет форму каждого конкретного слова. При этом к конъюнктивному акценту в иврите относится, например, ударение, которое в словах в контекстной форме стоит на последнем слоге. Это может служить дополнительным основанием положения об ударении в иврите как о фонологически значимом явлении в противоположность АЛЯ, где фактор ударения не является релевантным. К дизъюнктивному акценту ученые относят паузальную форму слова.

Текст Ветхого Завета в масоретском варианте огласования демонстрирует активное использование паузального членения речи. Так, паузальная форма слова внутри предложений обычно используется при произнесении разного рода перечней. При этом слова группируются по два или три, последнее из которых обычно стоит в паузальной форме. Это демонстрирует связь паузальной формы слова и синтаксических конструкций, так как в данном случае она группирует однородные члены. Следует отметить, что синтаксис АЛЯ никак не влияет на образование паузальной формы слова, которая маркирует исключительно окончание синтагмы.

Кроме того, паузальная форма слова в иврите может характеризовать окончание важного в смысловом отношении отрезка. Однако не всегда паузальная форма встречается в конце фразы. Это подтверждается тем фактом, что в масоретском тексте книги «Второзакония» также встречаются случаи, когда фраза заканчивается словом в контекстной форме. Подобные примеры указывают на тесную смысловую связь этого предложения с последующим. Данные фразы обычно являются очень короткими. Это говорит о связи смысла и паузальной формы слова в иврите в противоположность АЛЯ, где выбор контекстной или паузальной формы слова диктуется просодией языка, которая не реагирует на смысл синтагмы, т.е. паузальная форма слова маркирует исключительно его положение перед паузой.

Что касается современного иврита и его диалектов, то здесь паузальная форма слова появляется несистемно, из чего ученые делают вывод о том, что различие между контекстными и паузальными формами слова было утрачено ивритом до момента становления диалектов.

Нормы образования паузальной формы слова в ак-

кадском языке прежде всего характеризуют поэтическую речь. Такие ученые, как Л.Е. Коган, С.В. Лёзов [5] и Дж. Бучеллати [9], утверждают, что строка в аккадском стихе могла заканчиваться только словом, в исходе которого стоял гласный (как долгий, так и краткий) или согласный. Неприемлемыми были полугласные, удвоенные согласные и группы согласных. Следует отметить, что подобное распределение слогов на допустимые и недопустимые в конце поэтической строки наблюдается и для аморейского языка. Однако эти правила связаны только с вопросами ритма и размера и не имеют никакого отношения к просодической структуре языка. Данное явление не согласуется с процессами, которые происходят в исходе слова в АЛЯ, где в подобной позиции должен находиться только неогласованный харф, т.е. вариант с сохранением краткого гласного оказывается невозможным. В свою очередь кластеры согласных представляют собой скопление неогласованных харфов, допустимое в АЛЯ исключительно в предпаузальной позиции. Важно также отметить, что в конце второго тысячелетия до нашей эры появляются признаки того, что краткий гласный в конечной позиции слова начал выпадать при произнесении, однако сохранялся в написании вплоть до конца письменной традиции на аккадском языке. Стоит также оговорить тот факт, что гласная, которая записывалась, могла не соответствовать морфологическим показателям, которые должна была выражать. Это говорит об утрате конечными гласными их морфологического значения. В современном АЛЯ самым частотным способом образования паузальной формы слова является усечение (*iskān*) конечных кратких гласных, являющихся грамматическими показателями, однако ситуация с их письменной фиксацией принципиально обратна сложившейся в аккадском: краткие гласные не отображаются на письме, но всегда отражают реальные грамматические характеристики слова.

Паузальная форма слова в арамейском языке также имеет несколько способов образования. Так, в арамейских священных текстах в паузе происходит усечение конечных кратких гласных. После этого краткие гласные [i] и [u] в ставшем конечным слоге становятся долгими и принимают на себя ударение, что ученые объясняют кросслингвистическим влиянием иврита. Причем эти гласные могут подвергаться не только количественному, но и качественному изменению, превращаясь соответственно в [e] и [o]. При сравнении паузальной формы слова в арамейском и АЛЯ становится очевидно, что конечные краткие гласные подвергаются усечению в обоих языках. Однако в АЛЯ данный процесс связан исключительно с просодической структурой синтагмы, а в арамейском он сопряжен с такими факторами, как сдвиг ударения и изменение качества гласных, которого никогда не происходит в АЛЯ, так как все способы образования паузальной формы там нацелены на то, чтобы конечный харф из огласованного стал неогласованным,

качественных изменений при этом не происходит.

Что касается паузальной формы в угаритском языке, то Б. Сухард в своей книге пишет, что в паузе в священных текстах на этом языке слова утрачивают мимацию, однако всегда сохраняют конечные краткие гласные, что отражается как в алфавитном, так и в силлабическом письме. Данное явление полностью противоположно процессам образования паузальной формы слова в АЛЯ. Хотя, согласно просодическим законам, неопределенный артикль танвин (нунация, выступающая в АЛЯ аналогом семитской мимации) усекается в предпаузальной позиции. Причиной этого является предшествующее ему усечение краткого гласного конечного харфа, так как просодический сегмент в АЛЯ должен заканчиваться неогласованным харфом. Усечение нунации и краткого гласного конечного харфа отражается и в арабской графике: неопределенный артикль обозначается на письме в качестве диакритического знака вместе с краткими гласными, что является показателем их совместного усечения в паузальной форме.

Сведения о паузальной форме слова в сирийском языке касаются, прежде всего, священных текстов на нем. Подобно масоретскому Ветхому Завету, они содержат знаки огласовки, ударения, а также пауз. Это говорит о важности выделения конечного слова в синтагме, из

чего можно сделать предположение о возможности существования в сирийском языке паузальной формы слова, однако детальной информации по данному вопросу до наших дней не сохранилось.

В заключение хотелось бы отметить, что малое количество сведений о звучащей форме древних мертвых языков не позволяет построить точную картину особенностей паузальной формы слова в семитских языках, однако общие закономерности выделить можно. Хотя феномен паузальной формы слова существует не только в АЛЯ, но и в других семитских языках, природа данного явления объясняется изменением места ударения в слове, качественным изменением конечных звуков, а также семантикой и синтаксической организацией синтагмы. В то же время в АЛЯ контекстные и паузальные формы слова выступают в качестве регулярной оппозиции, так как их различие базируется на функциях минимальной просодической единицы. Из этого можно сделать вывод о том, что основывающаяся на просодической структуре языка паузальная форма слова как механизм синтагматического членения речи является уникальным феноменом для АЛЯ, который отличает его от других семитских языков. Более подробное изучение данного вопроса может дать возможность получить новые сведения о фонетике и фонологии семитских языков, в том числе мертвых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии рецитации Корана // Мейер М.С., Аганина Г.Р., Гайнутдинова А.Р., Фролов Д.В. Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга. 2012. С. 63–179.
2. Бутакова Д.Д. Паузальная форма слова в арабском литературном языке и ее отражение в системе письма. // Зеркала. Современные направления исследований арабской филологии в России. М.: ИВ РАН, 2021. С. 211–233.
3. Габучан Г.М. К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой внутренней флексии). М.: Семитские языки. Вып.2 4.1. 1965. С. 114–127.
4. Гранде В.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: «Восточная литература» РАН, 1998.
5. Коган Л.Е., Лезов С.В.. Аккадский язык. // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 113–177.
6. Сибавайхи Абу Бишр 'Амр. Китаб. Введение (главы 1–7). Перевод и комментарии / под общ. ред. Д.В. Фролова. М.: Издательский дом ВКН, 2018.
7. Фролов Д.В. Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006.
8. Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
9. Buccellati G. Akkadian and Amorite Phonology. // Phonologies of Asia and Africa. – Winona Lake: Eisenbrauns, 1997. Стр. 3–38.
10. DeCaen V., Drescher B.E. Pausal Forms and Prosodic Structure in Tiberian Hebrew. // Studies in Semitic Vocalisation and Reading Traditions. Ed. by A. D. Hornkohl and G. Khan. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2020. С. 331–378.
11. Hornkohl A.D. Discord between Tiberian Written and Reading Traditions. // Studies in Semitic Vocalisation and Reading Traditions. Ed. by A. D. Hornkohl and G. Khan. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2020. С. 227–280.
12. Khan G. Middle Arabic / Semitic languages: an international handbook / edited by S. Weninger; in collaboration with G. Khan, M. P. Streck, J. C. E. Watson. Berlin/ Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. С. 817–835.
13. Outhwaite B. The Tiberian Tradition in Common Bibles from the Genizah // Studies in Semitic Vocalisation and Reading Traditions. Ed. by A. D. Hornkohl and G. Khan. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2020. С. 405–466.
14. Sibawayhi Kitab. Cairo: Al-Khaniji, 2009.
15. Suchard B. The Development of the Biblical Hebrew Vowels. University of Leiden, 2016.

© Бутакова Дарья Дмитриевна (butakova.darya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»